

Владимир Бровко
ХРОНОЛОГИИ. ПРОРОКИ и ЧУДОТВОРЦЫ
Т.5

Владимир Петрович Бровко Хронологии. Пророки и чудотворцы. Т.5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44009044

SelfPub; 2019

Аннотация

Данная книга рассказывает о христианских "пророках" и "чудотворцах", которые якобы были наделены "ДАРОМ ИСЦЕЛЕНИЯ". Автором в процессе работы над книгой были подробно изучены и перепроверены биографии более 100 христианских "чудотворцев" и по итогам перепроверки по каждому сделан экспертный вывод. Книга представляет интерес для лиц, интересующихся историей христианской церкви и, в частности, особенностями становления и развития культов почитания православных "святых".

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
Святой Сергей Радонежский	43
Василий Блаженный	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

ВВЕДЕНИЕ

Эта часть данной книги будет посвящена изучению вопросов, связанных с появлением в христианской религии как множества физических лиц (а настоящее время в христианстве если брать во внимание все его конфессии направления, течения и секты то досих пор число таких лиц точно не посчитано), которые в силу тех или иных истинных или мнимых «заслуг перед церковью» такм были как обычно посмертно канонизированы в качестве «святых» или им приравненных к ним почетным званиям и ли титулам.

И они нас в общей тенденции и целях нашего повествования будут интересовать не сколько своими заслугами перед церковью, ибо это ее сугубо внутреннее дело! а сколько их попытками (реальными или минимыми) эпизодически выступать перед другими христианами как ОРАКУЛЫ или ПРОРОКИ с целью прогноза БУДУЩЕГО!

И еще один общий признак объединяет их в (отделяя их от других ПРОРОКОВ) в отдельную группу («кудесников и любимцев Богов») есть тот специфический прием воздействия на сознания людей из числа своих современников, когда они для упрепления своей «популярности» в христианстве начинают совершать различные «ЧУДЕСА».

Т.е. тут уже речь идет о том, что перед нами не столько ПРОРОКИ, сколько «христианские Чудотворцы», пытавши-

еся ПРЕДСКАЗЫВАТЬ БУДУЩЕЕ основываясь на якобы имевшейся у них особой связи с христианским Богом Иеговой! С помощью которого или вернее по милитвенному обращению к котрому они и наделялись ДАРОМ Совекршть различные ЧУДЕСА!

Ну, а раз мы подняли вопрос о «христанских чудотворцах» то тут самое время вначале разобратся с таеними понятиями как «ЧУДО» и «ЧУДОТВОРЕЦ» прежде всего в научно-филосовском смыслах.

Итак, первый вопрос мы сформулируем так:

Что такое ЧУДО в философском понимании этого термина?

Чудо – необычное, редкое и, как правило, неизученное явление, которое внешне выглядит как нарушение известных законов природы.

Философская трактовка

Само признание возможности чуда неразрывно связано с приверженностью тому или иному мировоззрению.

Мировоззрение – система взглядов, оценок и образных представлений о мире и месте в нём человека, общее отношение человека к окружающей действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации.

Мировоззрение придаёт деятельности человека организованный, осмысленный и целенаправленный

характер. Какова позиция «Я», таково и восприятие мира, замечает Ж.-П. Сартр.

Выделяют обыденное мировоззрение, научное, философское, религиозное.

С точки зрения исторического процесса выделяют следующие ведущие исторические типы мировоззрения: мифологическое, религиозное и философское

Мифологический тип мировоззрения определяется как совокупность представлений, которые были сформированы в условиях первобытного общества на основе образного восприятия мира. Мифология имеет отношение к язычеству и является совокупностью мифов, для которой характерно одухотворение и антропоморфизация материальных предметов и явлений.

Мифологическое мировоззрение совмещает в себе сакральное (тайное, волшебное) с профанным (общедоступным). Основано на вере

Религиозное мировоззрение (лат. religare – воссоединять) основано на вере в сверхъестественные силы. Религии, в отличие от более гибкого мифа, свойственны жесткий догматизм и хорошо разработанная система моральных заповедей. Религия распространяет и поддерживает образы правильного, нравственного поведения. Велико значение религии и в сплочении людей, однако здесь её роль двойственна: объединяя людей одной конфессии, она зачастую разделяет людей разных верований.

Философское мировоззрение определяется как системно-теоретическое. Основным отличием философского мировоззрения от мифологии является высокая роль разума: если миф опирается на эмоции и чувства, то философия – прежде всего на логику и доказательность.

Философия – (φιλία – любовь, стремление, жажда + σοφία – мудрость → др.-греч. φιλοσοφία (дословно: любовь к мудрости)) – одна из форм мировоззрения, а также одна из форм человеческой деятельности и особый способ познания, теория или наука. Философия как дисциплина изучает наиболее общие существенные характеристики и фундаментальные принципы реальности (бытия) и познания, бытия человека, отношения человека и мира.

Философия (как особый тип общественного сознания, или мировоззрения) возникла параллельно в Древней Греции, Древней Индии и Древнем Китае в так называемое «Освое время», откуда и распространилась впоследствии по всему миру.

Но не все люди верят в ЧУДЕСА. В связи с чем у нас есть повод поговорить о отрицание чудес

А «Чудо» немислимо с точки зрения таких философских мировоззрений, как материализм, пантеизм, деизм.

В частности, поскольку материализм признаёт, как первопричину мира исключительно материю, явления, не имеющие причинной связи с законами материального мира, становятся противоестественными и поэтому невозможными.

В рамках пантеизма чудо также невозможно, ибо для него немыслимы явления, причина которых лежала бы вне мира (поскольку вне мира для пантеизма нет ничего).

Далее, в деизме считается, что для развития и поддержания бытия мира совершенно достаточно его собственных сил и действующих в нём законов, установленных однажды и навсегда. Тем самым становится излишним вмешательство в мировую жизнь сторонней высшей силы.

Признание чудес

Ещё одно философское мировоззрение, теизм, совершенно иначе подходит к вопросу о возможности чудес. Согласно ему, первопричина вселенной есть Существо, обладающее качествами всемогущества, премудрости и благости, в силу которой оно проявляет заботу о мире, Им созданном (промышляющее о нём). В силу такого взгляда чудеса становятся не только возможными, но даже необходимыми.

В христианстве.

Согласно формулировке протоиерея Александра Шмемана, чудом является «сверхъестественное событие, явление или действие, не поддающееся рациональному объяснению, выходящее за грань законов природы», причем истинные чудеса совершаются действием Божественной благодати.

Считается, что возможны и ложные чудеса, которые либо являются проявлением сил природы (не будучи, таким образом, чудесами по существу), либо совершаются падшими духами (бесами). Ряд христианских святых, включая *Мака-*

*рия Египетского и Иоанна Кассиана, утверждали, что дьявол способен сотворить любое чудо, кроме **воскрешения из мёртвых**.*

Согласно христианскому вероучению, чудо требует осторожного отношения даже в самых убедительных случаях [3]. Стремление к чудесам и знамениям Христос порицал, что зафиксировано в Евангелии (Мф. 12:38—39). Подобным образом действовали и Отцы Церкви, а доверие к прорицателям, магам и целителям осуждалось ещё в Ветхом Завете (Втор. 18:10—14

Но лучше всего тема «ЧУДА» кторая укоренилась в умах роосиян раскрыта в статье взятому мною из книги «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»:

«Чудо – объективное значение понятия Ч. определяется общим философским мирозерцанием, по преимуществу теорией причинности.

Всякого рода необычайные и необъяснимые явления сами по себе не представляют чудес и получают характер чудесного лишь при определенном способе их истолкования, причем для неверующих всегда остается возможность отрицать наличность Ч. ссылкой на неизвестные еще законы природы, галлюцинации и т. п.

Наоборот, при соответствующем мирозерцании самое обыкновенное явление жизни может приобрести значение Ч.

Такое значение, например, может получить выздоровление больного ребенка в сознании религиозной матери, если это выздоровление произошло после ее молитвы. Обычно под Ч. мыслится событие, не вытекающее из законов природы или естественных человеческих сил, а обусловленное сверхъестественными силами людей или более могущественных существ.

Таким образом признание Ч. предполагает прежде всего особый вид причинного воздействия, не совпадающего с законами природы. Однако одного этого допущения недостаточно для обоснования Ч.

Можно быть индетерминистом, т. е. видеть в человеческой воле более или менее независимую от законов природы самостоятельную силу, но отрицать существование сверхъестественных действий.

Вторая посылка, необходимая для дедукции Ч., дается воззрениями супранатурализма, утверждающего вмешательство в ход простых событий сверхъестественных сил людей или других существ.

В древнегреческой философии понятие Ч., основанное главным образом на религиозных верованиях, находило себе благоприятную почву по преимуществу в мировоззрениях Гераклита, а еще более пифагорейцев, признававших непосредственное влияние богов и демонов на человеческую жизнь и установивших мистические культы героев и праотцев. Впрочем, религиозно-мистические элементы, откры-

вавшие широкий доступ всему чудесному, присущи были в той или иной мере воззрениям большинства философов древности, начиная с Фалеса, утверждавшего, что «все полно богов», и кончая неоплатониками, пришедшими, в лице Ямвлиха и Прокла, к практической теургии. Даже трезвая мудрость Сократа не мешала ему придавать серьезное значение мантике и прислушиваться к голосу своего таинственного δαμόνιον.

У средневековых мистиков признание чудесного вытекало непосредственно из религиозного понятия о Боге, как творце и промыслителе мира.

Вся природа сотворена Богом и есть продукт Его воли; чудесное есть лишь необычное проявление Божественной воли. Такова точка зрения на Ч. блаженного Августина. По Рейхлину («De verbo mirifico»), чудотворной силой обладают слова Св. Писания в устах того, кто всем своим существом приблизился к Богу.

Затем к религиозным обоснованиям чудесного присоединяются натурфилософские представления, открывающие чудесную взаимозависимость между движениями планет и человеческой судьбой, а также универсальное чудотворное вещество или философский камень и т. п.

Эта мистика природы получила свое наиболее яркое выражение у Агриппы Неттесгейма, в его сочинении: «De occulta philosophia». Здесь собрано все, что касается тайных наук и искусств средневековья.

В основании этой философии и магии лежит различие во всем мироздании трех областей: мира духовного, небесного и элементарного .

Мир духовный состоит из чистых духов, т. е. Бога и ангелов, небесный – из сфер неподвижных звезд и семи планет (признаваемых одухотворенными); наконец, элементарный мир образует земля со всеми своими обитателями. Высшие миры влияют на низшие.

Ангелы повинуются воле Бога и сами влияют на небесные тела, а земля непосредственно подчинена влиянию небесных светил. Носителем этого влияния высших духовных сил на элементарный мир земли является жизненный дух или *quinta essentia*.

Всякого рода таинственные связи в событиях земной жизни основаны на общемировой гармонии и симпатии элементов. Все великое имеет свои отзвуки в малом и ничтожном, которое поэтому может служить показателем мировых событий.

Доступные человеку магические влияния обусловлены главным образом тем принципом, что «подобное производит подобное».

Употребление в пищу животных порождает в людях свойства этих животных. Благодаря этому, думает Агриппа, можно увеличивать свою смелость, питаясь сердцами петухов

Кто носит на своем теле летучую мышь, тот не может спать.

Слова и заклинания имеют силу, поскольку они выражают природу вещей.

Так как все влияния, в конце концов, духовного порядка, то при посредстве воображения и воли можно достигнуть высокой степени могущества.

Но истинную власть над природой может получить только тот, кто возвышается к ее

первоисточнику, вполне освобождается от чувственности и достигает единения с Богом.

При посредстве этого единения можно творить всякие чудеса, исцелять больных и воскрешать мертвых.

Поэтому-то лишь благочестивые повелевают всеми элементами и могут быть названы властелинами мира.

Являясь проповедником чудесного, Агриппа был, однако, ярким противником средневековых процессов над ведьмами и однажды сам победоносно защищал на суде заключенную в тюрьму женщину, все преступление которой состояло в том, что она была признана дочерью ведьмы.

Эту же борьбу успешно продолжал его последователь, Иоганн Вир.

Аналогичное воззрение на природу имел философ-врач Теофраст Парацельс, основывавший свое врачевание на познании внутренней сущности всей природы и человека.

Вообще средневековый супранатурализм имеет свою опо-

ру главным образом в мировоззрении неоплатонизма, понимавшего всю действительность как эманацию Бога. Эмпирический мир не представляет собой, с этой точки зрения, чего-нибудь самостоятельного, но одну из ступеней Божественной природы.

Между этим миром и Богом существуют промежуточные ступени или миры высших существ.

Влияние этих высших существ на земную жизнь обнаруживается в человеческом опыте, как чудесное.

Как в древней, так и в средневековой философии понятие Ч. с большой легкостью вводилось в круг религиозно-философских воззрений, не встречая никаких противоречий ни со стороны гносеологических, ни со стороны метафизических теорий того времени.

Только в новой философии, на почве все более и более выясняющейся общей закономерности явлений природы, понятие Ч. встречает решительный протест не только со стороны материалистических мировоззрений, но и таких философов, которые являются далеко не чуждыми религиозной точке зрения.

Спиноза в своем теолого-политическом трактате подвергает понятие Ч. решительной критике. Бог и природа не представляют двух нумерически различных сущностей, но одно и то же бытие (*Deus sive natura*).

Сущность и провидение Бога гораздо лучше познаются в закономерном ходе природы, чем в предпола-

гаемых чудесах.

Мыслить Бога нарушающим законы природы – значит находить в нем противоречие.

Все совершается по неизменным законам природы, и если что-либо представляется людям нарушением этих законов, то это зависит лишь от человеческого неведения истинной связи действующих причин.

В переписке с Ольденбургом Спиноза с еще большей решительностью настаивает на необходимости объяснять все явления естественными причинами и прямо отождествляет понятие Ч. и неведения.

Лейбниц, связанный своей гипотезой предустановленной гармонии, мог допускать Ч. лишь на словах; признаваемые им чудеса оказываются неизбежно вытекающими из предшествующих событий, т. е. заранее предопределенными в развитии мира. Чудеса, утверждает Лейбниц, точно так же входят в порядок вещей, как и естественные действия, и отличаются от последних только своей необычностью.

Единственным Ч. в строгом смысле слова является у Лейбница сам факт предустановленной гармонии – факт, имеющий свое основание исключительно в свободной воле Бога.

Еще более решительные возражения против Ч. предоставлены со стороны эмпиризма.

Эмпиризм признает законы природы всеобщими и необходимыми нормами в последовательности явлений, ввиду их

постоянного подтверждения опытом как общечеловеческим, так и специально научным.

Вся совокупность опыта ведет к заключению, что всякая причинная связь имеет закономерный характер, т. е. может быть подведена под какое-нибудь правило, имеющее самостоятельное значение или выводимое из другого, более общего правила.

Таким образом всякое следование явлений в порядке времени подчинено тем или иным общим правилам или, что-то же, закону причинности.

Это убеждение признается в эмпиризме обладающим высшей степенью вероятности и получающим значение познавательного закона лишь при помощи психологического фактора привычки.

Поэтому Ч., как нарушение закономерного хода природы, не является с точки зрения эмпиризма чем-то абсолютно немислимым и невозможным; но так как закономерность причинной связи имеет за себя весь объем научно-проверенного опыта, чудесные же события еще никогда не были констатированы с той несомненностью, которая исключала бы всякую возможность естественного объяснения, то их вероятность сводится почти к нулю.

Классическим выразителем эмпирической критики понятия Ч. является Юм, посвятивший вопросу о Ч. целую главу своего «Исследования о человеческом разуме». К решительным противникам чудесного следует отнести также Кан-

та, осмеявшего в своих «Грезах духовидца» видения Сведенборга.

Куно-Фишер не без основания отвергает довольно распространенное мнение, будто бы Кант, в письме к Шарлотте фон Кнохблех, признал фактическую достоверность некоторых ясновидений Сведенборга, например, засвидетельствованный весьма многими очевидцами случай созерцания Сведенборгом, находившимся в Гетеборге, пожара, разыгравшегося в Стокгольме.

Действительно, Кант, излагая в упомянутом письме сообщенные ему одним англичанином рассказы про Сведенборга, назвал их заслуживающими доверия; но, вполне доверяя своему корреспонденту и очевидцам передаваемых событий, Кант был далек от того, чтобы истолковывать эти события как чудеса.

Вообще он воздерживался от обсуждения сообщенных ему фактов, находя, что наблюдение и исследование такого рода явлений требует не только правдивых, но и научно подготовленных людей. Свое вполне отрицательное отношение к Сведенборгу он проявил лишь, прочтя его «*Arcana coelesta*», послужившие поводом к изданию «Грез духовидца».

В этом сочинении, относящемся к переходному периоду философского развития Канта, критика духовидения отличается больше остроумием, чем логической силой.

Кант готов признать бытие духовных существ, но видит

непримиримое противоречие в предположении их пространственного обнаружения в чувственно воспринимаемых формах.

Если дух обнаруживается в материальных явлениях, то он уже не дух, а уже нечто материальное. Этот метафизический аргумент Канта опирается на предположение абсолютного различия между духом и материей.

Однако, это предположение далеко не составляет необходимой предпосылки теории духовидения и прямо опровергается примером человеческого существа, обнаруживающегося и духовно, и материально. Разница лишь в способе материализации духовного, а не в самом принципе их возможного взаимодействия.

Впрочем, Кант отвергает духовидение и по чисто гносеологическим соображениям. Мы можем, думает он, доверять только тому опыту, который общ всем людям; поэтому духовидение, представляя собой явление исключительно индивидуальное, есть не что иное, как сон наяву, т. е. греза на фоне объективной действительности.

Выставляя критерием действительности повторность и всеобщность опыта, Кант в сущности повторяет здесь эмпирический аргумент, придавая ему, однако, не соответствующую духу эмпиризма категоричность.

Иное обоснование неизменности естественного хода природы дается Кантом в его критической философии. Причинность, т. е. неизменное правило

следования последующего за предыдущим, является здесь априорным принципом рассудка, предваряющим всякий опыт и его обуславливающим.

Мир не может мыслиться иначе как подчиненным неизменным правилам последовательности, выражающимся в законах природы. И законы эти оказываются у Канта уже не психологическим возведением чрезвычайной вероятности до степени необходимости, как это было в эмпиризме, но логически безусловными нормами человеческого опыта и познания.

Поэтому нарушение их не только весьма маловероятно, как в эмпиризме, но даже логически немислимо. Так как Ч. предполагает нарушение естественной закономерности явлений, что было бы, с точки зрения Канта, нарушением и закона причинности, то оно и должно быть отрицаемо, как нечто абсолютно немислимое и невозможное, по крайней мере в мире феноменов.

Что же касается вещей в себе или ноуменов, то хотя некоторые примыкавшие к критицизму представители старотюбингенской школы (Шторр, Флатт, Зюскинд, Тифтрук) и находили возможным относить понятие Ч., подобно понятию свободы, к миру ноуменов, однако такое отнесение едва ли может быть допущено без противоречия основным положениям критицизма. Ч. может мыслиться лишь как опреде-

ленное явление в порядке времени, понятие же вещи в себе исключает все конкретное и подлежащее форме времени.

Отнесение чуда в сферу умопостигаемого мира вещей в себе заставляло бы мыслить феноменалистически сами ноумены, т. е. впадать в ту ошибку, против которой главным образом и боролся Кант.

Если же, соблюдая строгость понятия ноумена, мыслить Ч. строго абстрактно, как чистое отрицание закономерности, то оно в сущности должно превратиться в совершенно бессодержательное понятие, не имеющее никакого значения ни для религии, ни для человеческого сознания.

Вообще чудесное, как вещь в себе, есть, по Канту, нечто абсолютно не представимое и отрицающее всякое конкретное историческое явление. Весьма естественно, поэтому, что сам Кант в своей философии религии относится к чудесам вполне отрицательно.

Главное сочинение Канта, посвященное этому предмету: **«Религия, рассматриваемая исключительно в границах разума»**, конструирует религиозные идеи на почве одной только морали, исходя из требований практического разума.

Религия Канта есть нравственное богословие (этико-теология), устраняющее историческое содержание религии или придающее ему исключительно символическое значение. Весьма трудно согласиться с дю Прелем, истолковывающим мнения Канта в пользу признания оккультических явлений.

Если во многих случаях осторожные выражения Канта как будто оставляют возможность для каких-то допущений, то эти допущения категорически устраняются основными принципами его критической философии, исключающей какие бы то ни было перерывы в закономерной причинной связи и устанавливающей сверхчувственный ноумен как абсолютно абстрактное и лишь пограничное понятие. В духе Канта разрешает проблему чудесного и Шлейермахер.

Если для Канта религиозные идеи возникают на почве сознания долга, то у Шлейермахера базисом тех же идей является чувство; и только безусловно требуемое чувством получает в его глазах объективное значение.

Но из религиозного интереса, утверждает Шлейермахер, никогда не может возникнуть необходимость понимать явления так, чтобы их зависимость от Бога освобождала их от влияния общей закономерности природы. Обе эти зависимости, по мнению Шлейермахера, совершенно совпадают.

Поэтому Ч. является для него лишь религиозным термином для обозначения события, почему-либо возбудившего религиозный интерес и внимание.

С точки зрения Фихте и Гегеля вера в чудеса не только не требуется религиозным благочестием, но даже вредит ему и вообще не соответствует возвышенному характеру духовной религии. Только в духе его разумности и свободы следу-

ет видеть сверхъестественное, а не в явлениях чувственного мира.

Вполне отрицательное отношение к Ч. обнаруживают также материалистические и позитивистские системы новейшей философии.

Всеми этими учениями вся познаваемая действительность сводится к связи материальных или психических феноменов.

При этом действующими силами в мировом процессе признаются лишь элементы той или иной категории, сменяющие друг друга не свободно, но с необходимой закономерностью.

На почве такой механики элементарных сил нет места не только понятию чуда, но даже менее притязательной идее свободной воли.

Весьма сильным и остроумным защитником некоторых видов чудесного выступил Шопенгауэр, объясняющий явления ясновидения и духовидения в связи со своей теорией сна.

Сущность этого объяснения сводится к признанию всего того, что представляется человеческому сознанию как объективно действительное, непосредственным продуктом его внутренней организации, а именно мозга [Необходимо иметь в виду, что под мозгом и вообще под человеческой организацией Шопенгауэр понимает не комплекс материальных элементов, а известную форму проявления воли.].

Органы чувств представляют лишь промежуточную и далеко не необходимую инстанцию для воспроизведения правдивых и соответствующих событиям внешнего мира чувственных образов. Кроме этих внешних стимулов чувственного мира, Шопенгауэр предполагает существование особого внутреннего «органа сновидений», обуславливающего построение снов.

При исключительно благоприятных условиях события внешнего мира, путем весьма тонких и неуловимых влияний, могут непосредственно действовать на этот внутренний аппарат человеческого сознания и создавать в нем вещи образы.

То, что эти образы во многих случаях относятся к будущему, объясняется Шопенгауэром феноменальностью времени. Для вещи в себе, т. е. для воли, лежащей в основе всего индивидуального, нет ни прошедшего, ни будущего, а потому для нее всякое событие может быть одинаково познано как до, так и после совершения его, в области феноменов.

Влияние внешнего мира на реальную основу человеческого сознания совершается безвременно; лишь вступая в область чувств и бодрствующего интеллекта, это влияние выражается в формах времени и пространства.

Животный магнетизм, симпатическое лечение, второе зрение, духовидение и видения всякого рода – все это, по Шопенгауэру, родственные явления, ветви одного ствола, дающие верное и неопровержимое свидетельство о связи су-

ществ, основанной на порядке вещей совершенно другого рода, чем порядок природы. Этот последний зиждется на законах времени, пространства и причинности, тогда как первый есть порядок глубже лежащий, более первоначальный и непосредственный, а потому от него и не зависимый. Из новейших теорий чудесного интересна «философия мистики» дю Преля, примыкающая во многих пунктах к точке зрения Шопенгауэра.

Дю Прель различает в человеческой природе чувственного и трансцендентального субъекта. Первый подчинен законам чувственной природы, второй обладает способностью интуитивного созерцания вещей.

Оба эти субъекта или сознания находятся, по дю Прелю, в известные рода антагонизме. Трансцендентальное сознание при обыкновенных условиях совершенно заглушается чувственным, подобно тому как свет звезды погашается светом солнца.

Но как, несмотря на присутствие солнца, свет звезды все-таки реально существует, так точно существует в нас и трансцендентальное сознание и неприметно влияет на всю нашу жизнь. Его деятельность, при ослаблении чувственного сознания, может становиться отчетливее и интенсивнее.

Вся практическая мистика зиждется именно на этой деятельности трансцендентального субъекта.

Нельзя не признать, что вопрос о возможности чудесного сравнительно с другими философскими проблемами на-

ходится до настоящего времени в совершенно неразработанном состоянии. «Системные» философы касались его больше мимоходом и лишь в редких случаях делали предметом более или менее обстоятельного обсуждения. И если такие мыслители, как Шопенгауэр или Гартман, довольно подробно обсуждали этот вопрос с точки зрения своих систем, то они, во всяком случае, ставили проблему Ч. далеко не во всем ее объеме, а ограничивались лишь некоторыми видами чудесного, касающимися духовидения и явлений спиритизма.

С другой стороны, теории, развиваемые представителями оккультизма, спиритизма и других учений супранатуралистического характера, никогда не имели под собой достаточно твердой гносеологической и метафизической почвы и представляли, в общем, весьма неустойчивые построения, основанные на сбивчивых и до конца не продуманных понятиях. Между тем проблема Ч. не может получить философского разрешения независимо от исследования основных положений гносеологии и метафизики и необходимо предполагает то или иное систематически обоснованное мирозерцание.

Без такого мирозерцания как признание чудес, так и их отрицание является выражением чистой веры или только привычных и излюбленных мнений, а не разумного убеждения.

При философском обосновании понятия Ч. при-

ходится считаться с тремя основными трудностями, обуславливающими все главные аргументы pro и contra.

Первым и главным камнем преткновения является понятие причинности, в наиболее установленном и особенно характерном для позитивной философии смысле, т. е. в смысле необходимого следования явлений во времени.

При таком взгляде на причинность понятия законов природы и причинной связи оказываются вполне совпадающими в своем объеме или, иначе говоря, причинность является лишь общей формулой всех конкретных законосообразностей в явлениях природы.

С этой точки зрения положение: «нет явления без причины» равносильно утверждению, что возникновение всякого явления подчинено известному правилу или, что-то же, закону природы.

При этом под законами природы разумеются все самостоятельные, т. е. не сводимые друг на друга, закономерности, например, закон тяготения или закон соединения кислорода и водорода в воду.

Очевидно, что такое понятие причинности вполне исключает возможность чудес; ведь никто не станет считать чудом то, что совершается на основании одних только законов природы; в таком случае можно было бы видеть чудеса в сообщениях по телефону.

Вообще, по отношению к приведенному понятию причинности вопрос о Ч. находится в таком же точно положении, как вопрос о свободе воли; и поскольку признание свободы воли не находит в этом пункте действительно непреодолимого препятствия, постольку исчезает затруднение и для обоснования чудесного.

В действительности затруднение может оказаться совершенно фиктивным, если показать несостоятельность понятия причинности, как закономерного следования. А несостоятельность этого понятия, скорее всего, может быть обнаружена на явлениях внутреннего опыта.

В самом деле, никто никогда не доказал полной закономерности человеческого сознания. О сведении всех процессов сознания к законам природы говорилось и говорится очень много, но фактически это сведение оставалось всегда не более как *pium desiderium* механического мирозерцания.

Вообще разложение высших форм и процессов бытия на низшие и элементарные: явлений жизни – на законы химии и физики, а этих последних – на законы механики, столь категорически утверждаемое многими исследователями, никогда, в сущности, не доводилось до конца.

Представители этого воззрения обыкновенно ограничивались указанием обусловленности высших форм низшими,

сведением некоторых свойств высшего порядка на соотношение элементарных сил и такую зависимость считали доказательством всеобщего господства элементарных сил – и относящихся к ним законов.

Между тем, из того, что произвольное поднятие руки зависит от определенного молекулярного строения и состояния нервных центров и мышечных волокон, никак не следует, что дело ограничивается только этой обусловленностью и что акт человеческой воли, как таковой, не играет здесь никакой роли, но лишь иллюзорно принимается за действующую причину.

Убеждение в абсолютном господстве элементарных закономерностей основано на том предположении, что реальными единицами мира можно признать только абсолютно элементарные сущности, обозначаемые понятиями атомов, центров сил и т. п. (независимо от того, понимать ли их материалистически, динамически, спиритуалистически или даже агностически).

Но это вознесение элементарного и простейшего бытия на степень абсолютной первоосновы мира есть в сущности чистая вера, нигде не находящая действительного подтверждения, и, напротив, обнаруживающая свою полную несостоятельность в актах высшего обнаружения воли.

Думать, что Сократ спокойно выпил чашу яда, а Дж. Бруно бестрепетно взшел на костер под влиянием элементар-

ных сил своего организма – значит не представлять себе сущность того самоопределения человеческой личности, которое выразилось в этих актах.

Нельзя приписывать высшие проявления разумности и морального величия стихийным и полусознательным силам каких бы то ни было элементов.

Такие проявления постулируют признание единств высшего порядка, способных соединять в себе огромное разнообразие элементарного, делать оценку и выбор между различными стимулами и давать перевес идейному перед стихийным.

Мировоззрению, признающему действующими причинами только элементы мира и понимающему высшие формы лишь как совокупность таких элементов, может быть противопоставлена теория причинности, в которой под причиной разумеется всякое творческое начало, необходимое для появления следствия.

Сущность этой творческой связи причины и следствия заключается не в каком-нибудь правиле или законе следования, а в самой природе сменяющих друг друга явлений: причина есть то, что творит следствие из своего собственного бытия.

Следствие всегда включает в себе свою причину целиком или отчасти. При таком способе понимания причинной связи является совершенно безразличным, относится ли такая причинная связь ко многим случаям и в силу этого имеет ха-

раक्टर правила, или отличается полной индивидуальностью и имеет единственное исключительное осуществление в мировом процессе.

С такой точки зрения законы природы оказываются лишь частными видами причинной связи, далеко ее не исчерпывающими и относящимися только к простейшим сущностям мировой действительности, отличающимся крайней косностью и однообразием своих проявлений.

И наряду с ними необходимо признать высшие виды причинной связи, относящиеся к активным единствам сознательных и разумных существ. Этот последний вид причинности уже не может иметь характера законов или правил, так как относится к сущностям чрезвычайно индивидуализированным и неподвижным.

Вторым существенным признаком понятия ЧУДА служит сверхъестественное.

Сверхъестественное можно усматривать как в проявлениях человека, так и в действиях высших или более могущественных существ. Сверхъестественны, например, предвидение будущего, непосредственное влияние (без посредства мускулов) человеческой воли на внешние предметы и вообще все виды так назыв. *actio in distans*.

Однако, и между этими явлениями в последнее время обнаруживается множество таких фактов, отнесение которых к сфере естественного или сверхъестественного должно быть признано спорным.

Таковы, например, явления гипнотизма, охотно относимые спиритами к области сверхъестественного, но позитивными исследователями признаваемые всецело основанными на тех или иных закономерностях психологии и физиологии.

Трудность определения сверхъестественного по отношению к человеческой природе, по-видимому, проще всего устранить, условившись называть сверхъестественными те предполагаемые способности и действия человека, которые ни в какой степени не присущи человеческой организации вообще, а составляют исключительную особенность отдельных индивидуумов.

При таком определении высшая степень художественного или научного творчества не подойдет под понятие сверхъестественного, так как та или иная малая степень этого творчества присуща всем людям и подлежит некоторому развитию.

Что же касается таких действий, как передвижение или изменение материальных предметов одними лишь актами воли, то отнесение их к области сверхъестественного, в случае признания их возможными, определяется тем обстоятельством, что обыкновенные люди абсолютно не обладают способностью к таким действиям.

Наибольшую резкость и отчетливость приобретает понятие чудесного, когда оно мыслится как действие более могущественных или высших сравнительно с человеком существ.

В метафизическом обосновании бытия этих су-

ществ и заключается 2-й наиболее спорный пункт в выведении понятия ЧУДА.

Однако, если философия до сих пор не открыла какого-либо бесспорного рационального метода для доказательства бытия Бога и вообще существ высшего порядка, то предположение о бытии таких существ может с полным правом претендовать на значение вполне правдоподобной философской гипотезы.

И если принять во внимание, что в построении этой гипотезы участвовали такие осторожные и испытанные в эмпирическом методе мыслители новейшей философии, как Лотце и Вундт, то во всяком случае придется признать в ней не простую фантазию ума, но наведение эмпирического характера.

Наконец, третий пункт разногласия касается возможности мыслить чудеса даже и при предположении бытия высших существ и их творческого проявления в мире.

Новейшая философия религии обнаруживает несомненную склонность построить религиозное мировоззрение без помощи каких-либо супранатуралистических воззрений и даже устранив их, как совершенно побочный мифологический элемент.

Тенденция эта имеет свое обоснование главным образом в той мысли, что идее божественного миропорядка гораздо более соответствует абсолютная закономерность событий, чем предполагаемые понятием Ч. произвольные вторжения

в естественный ход мира, нарушающие законы природы.

Религия имеет дело главным образом с нравственными идеалами, осуществление которых совершенно не зависит от того или иного нарушения в закономерном ходе природы.

Пфлейдерер утверждает, что признание деятельности Бога не совпадающей с законами природы заставляло бы нас мыслить Бога ограниченным в своей воле внешней ему природой и действующим в мире наравне с другими конечными причинами, что отнюдь не соответствует понятию Бога, как абсолютного и ничем не ограниченного существа.

Однако, и с этой точки зрения обоснование чудесного является далеко не безнадежным. Прежде всего необходимо установить, что понятие о Ч., как о чем-то нарушающем законы природы и вносящем хаос в мировой порядок, глубоко ошибочно.

О нарушении законов природы можно было бы говорить, если бы факт Ч. совершенно уничтожал существование того или иного закона, – если бы, например, при посредстве Ч. закон соединения кислорода и водорода в воду потерял свою силу при всех химических процессах или от чудесного поднятия человеческого тела на воздух совершенно уничтожился бы закон тяготения.

Но ничего подобного из признания чудесных явлений не вытекает: в Ч. мыслится лишь преодоление естественных сил и законов в конкретных, единичных случаях, а вовсе не упразднение их в целом мире.

Таким образом, предполагая Ч. совершающимся по воле Бога, мы вовсе не должны видеть в Боге нарушителя законов мироздания вообще, но лишь источник совершенно своеобразного причинного воздействия, преодолевающего силу и природу конечных и элементарных причин.

Значение законов природы для этих элементарных причин, в сущности, ни на минуту не прекращается, подобно тому как закон тяготения не теряет своей силы по отношению к железной гире в тот момент, когда мы поднимаем ее над поверхностью земли.

Что касается того мнения, будто бы абсолютность Бога не совместима с пониманием природы как чего-то внешнего для его воли, на что он мог бы воздействовать подобно всякой конечной причине, то оно представляется весьма спорным: абсолютность вовсе не безусловно исключает всякое внеположение, и абсолютность Бога нисколько не обязательно мыслить, как принадлежность всех без исключения элементов мира к Его природе и личности.

Абсолютность Бога может пониматься лишь в том смысле, что в Нем заключается абсолютная мощь для преодоления всех элементарных сил мира и абсолютный идейный смысл, сообразно которому направляется мировой процесс.

Напротив, признание внешних и даже враждебных Богу сил в мире гораздо больше соответствует возвышенному характеру идеи Бога, чем предположение о

том, что все сущее входит в природу Бога. Зло, несомненно существующее в мире, только тогда не противоречит идее Бога, когда оно мыслится как нечто внешнее по отношению к Богу.

Проблема зла получает единственно возможное разрешение лишь с точки зрения теистического миропонимания, отстаивающего различие Бога и природы.

Наконец, устранение чудесного, основанное на исключительно нравственном истолковании религиозных идей, предполагает ложное понимание религии. Религия есть целое мировоззрение, далеко не исчерпываемое моральной системой.

Исходным пунктом этого мировоззрения является не мораль, а чисто онтологические идеи о сущности мира и об отношении его к Богу.

Мораль представляет не начало, а заключительную часть или конечный вывод религиозного мировоззрения. Но и помимо этого, при более широком понимании морального и immoralного, добра и зла, идеи супранатурализма получают значение необходимых звеньев религиозного мирозерцания.

В самом деле, известная нам эмпирическая действительность вполне характеризуется с точки зрения всех высших религий евангельским изречением: «весь мир во зле лежит».

И это зло мира выражается не в одной только нравствен-

ной слабости человечества, но также в ничтожности и ограниченности всей человеческой природы, в ее бессилии перед болезнью и смертью.

Но если философия теми или иными путями приходит к религиозному мирозерцанию, то ее Бог, как и Бог религии, может быть только Богом живых существ, а не мертвецов. Однако вечная жизнь есть по существу своему идея супранатуралистическая. Все «натуральное» содержит в себе зачатки гниения и разложения.

В силах человека усовершенствовать себя нравственно, но освободиться от своего смертного тела и создать какие-либо новые вечные формы жизненных проявлений человек не в состоянии.

Для этого нужно коренное изменение того миропорядка, в котором смерти принадлежит последнее слово. Объявляя закономерное торжество смерти Божественным миропорядком, представители религиозных пантеизма и натурализма едва ли особенно возвышают нравственное величие идеи Бога.

Нравственный пафос составляет бесспорно неотъемлемый и весьма ценный элемент всякого истинного религиозного настроения, но он вовсе не требует примирения с чисто физическим злом окружающей нас стихийной природы.

Завершением теории чудесного должно быть доказательство того, что этот пафос обуславливает коренное обновле-

ние всей человеческой природы, – обновление, знаменующее собой основное Ч. христианства, а именно воскресение Христа и будущее соединение с Ним всех тех, кто жил в духе Его учения.»

Данный очерк принадлежит талантливому, но ныне совершенно забытому в России российскому писателю и философу Сергей Алексеевич Алексеев (известному под псевдонимом С.А. Аскольдов)

И вот тут у меня к вам уважаемый читатель есть и прямой вопрос:

«Вы что-нибудь поняли из того что до вас пытался в самой популярной философской форме лонести профессор Аскольдов?»

И я думаю, что нет.

Поскольку предмет очень труден к пониманию неподготовленного к этому читателя. И в таком случае я настоятельно рекомендую перечитать этот очерк -2-3 раза чтобы хотя бы запомнить основные моменты процентов 20% так скать информации о том, что такое «ЧУДО» в научном понимании этого явления (термина). Этого будет вполне достаточно чтобы произвести впечатление на люого вашего собеседника если у вас с ним возникнет осуждение вопроса о «ЧУДЕСАХ»!

Вторым же важным вопросом в нашем исследовании идет следующий вопрос:

Кто такие ЧУДОТВОРЦЫ?

Ответ на этот вопрос можно получить если вначале разберется с таким понятием как «Лики святости» в христианской религии.

А лики святости это различные категории, на которые к примеру, в православии принято разделять святых при их канонизации и почитании в зависимости от трудов их святой земной жизни.

Православные лики святости

Наименование лика	Сокращение	Критерии включения
-------------------	------------	--------------------

1. Апостолы Ученики Иисуса Христа. Различают двенадцать апостолов и апостолов от семидесяти.

2. Бессребреники Христиане, прославившиеся своим бескорыстием, отказом от богатства ради своей веры. Зачастую к ним относят святых, обладавших даром врачевания и не бравших платы за свой труд.

3. Благоверные Монархи и удельные князья – за свою благочестивую жизнь, дела по укреплению церкви и веры.

4. Блаженные Синонимичное именование юродивых на Руси, а также устоявшееся именование некоторых святых, не юродивых (св. блж. Иероним Стридонский, Августин Блаженный, Блаженная Матрона, блаженный Никита).

5. Великомученики Мученики за веру, перенёсшие особо тяжкие и продолжительные мучения.

6. Исповедники Лица, открыто исповедовавшие свою веру во время гонений на христиан. В отличие от мучеников,

исповедниками называют тех, кто после перенесённых мучений оставался в живых.

7. Мученики Люди, принявшие насильственную смерть за свою веру.

8. Праведные Миряне и священнослужители из белого духовенства, почитаемые за праведную жизнь.

9. Ветхозаветные патриархи (Праотцы), почитаемые как образцы благочестия. Родители и супруг Богородицы также относятся к праотцам, но именуются Богоотцами (к богоотцам относят и царя Давида).

10. Преподобномученики Мученики за веру из числа монахов.

11. Преподобные Монашествующие, почитаемые за подвижническую жизнь.

12. Пророки Лица, упомянутые в Библии, возвещавшие народу волю Бога и проповедовавшие на территории древних Израиля и Иудеи. Почитают 18 ветхозаветных пророков и одного новозаветного – Иоанна Крестителя, который является последним святым, почитаемым в данном лике святости.

13. Равноапостольные Лица, прославившиеся проповедью Евангелия и обращением народов в христианство.

14. Святители Архиереи, прославившиеся праведной жизнью и пастырской деятельностью.

15. Священномученики. Мученики за веру из числа священнослужителей.

16. Столпники святые подвижники, подвизавшиеся на столпе – башне или высокой площадке скалы, недоступной для посторонних.

17. Стратотерпцы Лица, принявшие мученическую кончину не за веру, возможно даже от единоверцев (в силу злобы, коварства, заговора). Почитается особый характер их подвига – беззлобие и непротивление врагам.

18. Чудотворцы Святые, прославившиеся даром чудотворения и заступничества в ответ на молитвы к ним.

19. Юродивые Подвижники, добровольно принявшие на себя образ безумных. Для таких лиц характерен аскетический образ жизни, обличение (в том числе публичное) людских пороков.

И как сам видит читатель если представить «**лики святости**» как своего рода «Табель о рангах» среди христианских святых, то **ЧУДОТВОРЦЫ** занимаю одно из низших положений! Ниже них только «Юродивые»!

Само же определение «Чудотворец» можно дать в двух его видах.

Общеисторическое и с точки зрения христианских богословов.

Согласно первому «Чудотворец (буквально: тот, кто производит чудеса, греч. θαυματουργός; тауматург[1]) – эпитет святых, особенно прославившихся приписываемым им даром чудотворения и заступни-

чества в ответ на МОЛИТВУ к ним.

Чудотворцы не являются особым разрядом святых, поскольку в принципе все святые обладают даром чудотворения, а засвидетельствованные чудеса являются основным условием канонизации. В разных святах и месяцесловах наименование чудотворца приписывается разным святым. Среди чудотворцев особенно почитается святой Николой Угодник.

Однако вот в самой Библии чудотворцы упоминаются всего два раза!

Первый раз – в ветхозаветной Третьей Книге Маккавейской и второй раз – в Первом Послании к Коринфянам святого Апостола Павла.

Богословская трактовка понятия «Чудотворец» основывается на определении содержащемся в «Кратком словаре агиографических терминов» В.М. Живова

«Чудотворец (гр. [греч] θαυματουργός), эпитет ряда святых, особо прославившихся даром чудотворения, заступников, к которым прибегают в надежде на чудотворное исцеление и т.д.

Чудотворцы не являются особым разрядом святых, поскольку в принципе все святые обладают даром чудотворения, а засвидетельствованные чудеса являются основным условием канонизации.

В разных святах и месяцесловах наименование чудотворца приписывается разным святым. Среди почитаемых

русской церковью чудотворцев можно отметить святителя МирЛикийских Николая, московских святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, преподобного Антония Римлянина, Сергия и Германа Валаамских, Серафима Саровского и др»

Теперь, когда вы уважаемый читатель уже твердо и главное правильно и на всю жизнь для себя уяснили, что такое «ЧУДО» и кто такие «Чудотворцы» мы можем наконец и перейти к волпросам связанными с теми ПРОГНОЗАМИ БУДУЩЕГО, что якобы в свое время высказывали жти самые христианские ЧУДОТВОРЦЫ.

И мне из таких вот ПРОРОКОВ-ЧУДОТВОРЦЕВ при работе над книгой удалось собрать особую группу, членов которой тоже условно можно отнести к подвиду «МАЛЫХ ПРОРОКОВ».

И первым в нашем списке таких «МАЛЫХ ПРОРОКОВ-ЧУДОТВОРЦЕВ» идет один из самых известных российских святых: Сергей Радонежский.э

Святой Сергей Радонежский

О этом историческом лице в Википедии есть большая статья и все желающие смог с ней ознакомится. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

А я скажу только о том был ли у С.Радонежского "ПРОРОЧЕСКИЙ ДАР"!!!

Сергей Радонежский был наделен многими ТАЛАНТАМИ, но среди них небыло ДАРА ПРОРОЧЕСТВА!

И при жизни он никаких ПРОРОЧЕСТВ НЕ ОСТАВИЛ!!!

А вот вся та информация о его "пророчествах", что с подачи недобросовестных «христианских богослов» и особенно православных писателей! циркулирует по умам россиян есть "ПОСМЕРТНЫЕ ПРОРОЧЕСТВА СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО"!!!

Это конечно, что-то новое в нашем повествовании, ибо еще не было среди всех вышеописанных в этой книге автором таких «Пороков» чтобы они людям ПРОРОЧЕСТВОВАЛИ уже после своей СМЕРТИ!!!

Но как в таких случаях обычно говорится и кстати довольно верно, что зачастую "Россию умом не понять!" то и стали среди «православных-россиян» распространяться слухи о том, что Сергей мол после своей смерти неоднократно яв-

лялся он кому-либо из братии! **И пророчествовал!** В смысле предупреждал то или иное лицо о грядущей БЕДЕ!

Но увы слухами они были слухами и остались!!!

Но судите сами! Какой был первоначальный размах! Какие ставились цели!

"Видели его стоящим за всенощным бдением на своем месте, видели благословляющим братию.

Так, некий «инок Игнатий» увидел его на его обычном месте в церкви поющим с братией.

После кончины игумена Никона преподобный Сергей явился с ним к тяжелобольному московскому купцу Симео-ну и исцелил его!

Однажды на праздник Святой Троицы преподобный Сер-гий явился в толпе слепому, подвел его к своей раке и дал ему коснуться ее – слепой прозрел и в благодарность остался в монастыре навсегда!

Святитель Илларион, митрополит Суздальский и Юрьев-ский, был исцелен Сергием Радонежским!

В 1608 году Троице-Сергиева лавра была осаждена армией «Тушинского вора».

И вот в этот критический для монастыря пе-риод С. Радонежский не раз являлся архимандриту Иоасафу и пономарю Иринару, укрепляя их и преду-преждая об опасностях!

Раз видели его окропляющим стены святой водой; другой раз он предупредил о готовящемся приступе,

который и был отражен.

И вот как это происходило: 23 сентября 1608 года воевода тушинского царька Петр Сапега с войском из поляков и литовцев, а также с примкнувшими к ним многочисленными отрядами из тушинцев подошел к стенам монастыря.

Число врагов, по показаниям пленных, простиралось до 30 тысяч.

Этой вражеской силе защитники Сергиевой обители могли противопоставить самые незначительные силы и даже братия взялась за оружие. Так что число защитников набралось до 2400.

Со своей стороны, и осажденные энергично готовились к обороне.

Воеводы совместно с архимандритом и соборными старцами привели всех защитников к крестному целованию у раки преподобного Сергия с обещанием крепко и непоколебимо стоять против врагов. «И оттоль, – пишет в своем сказании знаменитый келарь Троицкой лавры Авраамий Палицын, – бысть во граде братолюбие велие и вен со усердием без измены ратовахуся со враги».

Отчаявшись взять монастырь приступом, враг стал вести подкоп под монастырь. Осажденным стало известно о подкопе под стены монастырские.

Каждую минуту им грозила страшная гибель.

В эти тяжкие дни преподобный Сергий явился архимандриту Иосафу.

После усердной молитвы Иосаф впал в дремоту, и вот видит он, что преподобный с воздетыми руками слезно молится.

Окончив молитву, он обратился к Иосафу и сказал ему: **«Встань, брат, бдите и молитесь, да не внидите в напасть».** Следовавшая за этим вылазка дала первые сведения о подкопе. Вскоре после этого архимандрит Иосаф вновь имел видение.

Совершая у себя в келье правило, он задремал, и вот снова приходит к нему преподобный и говорит:

«Встань, не скорби, но в радости вознеси молитвы, ибо о всех вас молится Богу Пресвятая Богородица...»

Последовавшая за этим видением вылазка 9 ноября оказалась чрезвычайно удачной для защитников: было обнаружено устье подкопа.

В эти грозные дни преподобный Сергей являлся не только бывшим в святой обители, но также и тушинским казакам, осаждавшим лавру. Один казак из неприятельского войска пришел в монастырь и рассказал о явлениях преподобного.

Некоторые казаки, устрашенные этими явлениями, оставили лагерь врагов и ушли домой.

Все же по мере поредения рядов защитников уныние начало овладевать слабейшими и стали даже раздаваться голоса, что лучше сдаться врагу добровольно, ибо нельзя уже послать в Москву за помощью, которая бы подоспела к весне, к возобновлению военных действий.

И снова, по преданию, преподобный, чтобы поддержать мужество и ободрить малодушных, явился пономарю Иринарху и сказал ему:

«Скажи братии и всем ратным людям, зачем скорбеть о том, что невозможно послать весть в Москву?»

Сегодня, в третьем часу ночи, я послал от себя в Москву, в дом Пречистой Богородицы и ко всем московским чудотворцам, трех моих учеников: Михея, Йарфоломея и Наума. Враги видели посланных, спросите – почему они не схватили их?»

Иринарх рассказал об этом видении. Все стали расспрашивать стражу – не видел ли кто посланных из монастыря?

Выяснилось, что неприятельская стража действительно видела трех старцев и стала их преследовать, надеясь быстро настигнуть их, так как кони под старцами были очень плохи. Но преследовавшие обманулись: кони под старцами неслись, как будто крылатые. Враги не смогли нагнать их.

В это время в обители был один больной старец.

Услышав о чуде, он стал размышлять, на каких таких конях были посланные Сергием старцы и действительно ли все это было.

Тогда явился ему преподобный и сказал, что он послал старцев на трех слепых лошадях, которые вследствие недостатка корма были выпущены за монастырскую ограду.

После чего он исцелил старца от болезни и вместе с тем от неверия.

По преданию, в этот самый день в Москве видели едущего старца, за которым следовало двенадцать возов, наполненных печеным хлебом. Москва тогда тоже была осаждена врагами и терпела нужду в хлебе.

Старец с возами и спутниками направлялся к Богоявленскому монастырю, где тогда было лаврское подворье.

Видевшие это дивились и недоумевали:

«Кто этот старец и его спутники и как прошли они сквозь неприятельское войско?» Старец же приветливо отвечал: «Все из дома Пресвятой и Живоначальной Троицы». Когда же его спросили, что происходит в обители преподобного Сергия, старец, отвечал: «Не предаст Господь имени своего в поношение, только сами вы, братие, не смущайтесь и не предавайтесь отчаянию».

В мае возобновились военные действия под Троицким монастырем.

Враги снова произвели на стены монастырские приступ, который был отбит с большим уроном.

В июле приступы возобновились и снова были отбиты, несмотря на то что в последнем нападении принимал участие пришедший с новыми силами пан Зборовский, похвально взявший одним ударом «лукошко», как он называл Троицкую крепость...

А в это время к монастырю наконец приблизился князь Скопин-Шуйский, шедший свойском на освобождение Москвы от тушинцев. Заступничество преподобного

Сергия спасло его обитель от разорения. Разбитые несколько раз после 16-месячной осады враги в страхе перед наступившим на них войском князя Скопина-Шуйского отступили от стен Троицкой лавры.»

Вот так и фальсифицируется под видом «благих пожелделаний» российская история! Но к Секргеию Радонежскому мы внашем повествовани еще вернемся, а пока на нашу историческую сцену выходит, пожалуй, самый знаменитый их всех российских юродивых – **Василий Блаженный**.

Василий Блаженный

О Василии Блаженном тоже есть статья в Википедии, и я для начала рекомендую ее вам ее самостоятельно прочесть: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> и теперь, когда вы уважаемый читатель уже знает о жизни и деяниях» Василия Блаженног» я расскажу о его пророчествах!

Причем сразу предупреждаю не я автор сего опуса!

И привожу я его исключительно для наглядности в нашней учебной книге о ПРОРОКАХ как пример того как, не нужно делать ПРОГНОЗЫ БУДУЩЕГО!

Ну а если такую ахинею ты пресказывать, то тут «не грех» и государству применить карательное правосуди! Вот судите сами!

Пророчество Василия Блаженного о режиме Путина-Медведева

05.12.2011 19:13 | russia_vp <http://za-kaddafi.org/node/8401>

"Выборами 4 декабря запущен процесс подготовки к свержению режима Путина-Медведева. Эти Евреи обманули весь российский народ, в наглую бестыжим образом сфальсифицировав выборы в ГД.

Всё бы ничего, но существует одно пророчество великого православного святого об этих двух евреях и их судьбе. Поэтому радоваться они будут не долго.

Часть первая: После семи десятков лет мерзости и запустения бесы побегут с Руси. (Крах коммунистического режима) Те что останутся, будут переодеваться в «овечьи личины» оставаясь при этом "хищными волками"(бывшие коммунисты, которые стали демократами).

Бесы будут править Русью, но под другими стягами.

На Руси появится второй Борис, титан-великан(Ельцин). Россия окажется на грани распада и уничтожения (распад СССР), и под видом возрождения бывшего величия будет уничтожаться то последнее, что еще осталось (уничтожение армии, образования, бесплатного лечения и т.п. того, что происходило при Ельцине и при Путине-Медведеве под видом возрождения).

После последних трех лет мерзости и запустения, когда собачьи дети будут терзать Россию Великан, уйдет так, что никто этого не будет ожидать, оставив после себя множество неразрешимых загадок (все помнят выступление Ельцина, когда он сложил с себя полномочия). Великан будет блуждать по лабиринту, а на плечах у него будет сидеть человек небольшого роста с черным лицом. (С "чёрным лицом" так называли шпионов, разведчиков в прошлом – Путин)

Маленький человек с черным лицом будет наполовину лыс, наполовину волосат. Он долго останется неизвестным, а потом станет исполнять роль слуги (назначение Путина премьером).

Происходить он будет из южного рода (Все попытки проследить происхождение фамилии Путина заканчивались провалом).

Намеки на прошлое – это загадочная история с грузинской мамой Владимира Владимировича, пока никак не доказанная, но и никак не опровергнутая). Он дважды сменит внешность (президент и премьер).

Большие бедствия потерпит от него Русь (так оно и есть– уничтожение России, и вымирание народа). Будет война в Прометеевых горах (Кавказ) длительностью 15 лет.

Будет третья Таврическая война (война возле Крымского полуострова) или возможно имеется ввиду военно-морской конфликт с Грузией)– там появится полумесяц, и разорванная Таврида будет кровоточить (проблемы на Крымском полуострове).

И потом посадят на престол несмышленного юношу (Медведев), но вскоре его вместе со свитой объявят самозванцами и погонят с Руси.

Рвущиеся к власти бесы безнадежно разобьются о медвежью голову и лапы, в которые воплотится дух предков русских.

Как следует из пророчества, бесов порвут некие «медвежьи лапы».

Упоминание этих лап есть и у Немчина, у Авеля, и у Василия Блаженного, и даже в некоторых текстах Распутина.

То есть в книге, написанной рукой самого Авеля и бе-

режно хранимой ЧК-КГБ-ФСБ, эти медвежьи лапы присутствуют совершенно однозначно.

Возникает вопрос: что делать бесам, рвущимся к власти и обладающим знанием о своем хреновом будущем (архивы КГБ СССР в их полном распоряжении)?

Бесам ничего не остается, как продолжать «рядится в личины», то есть после личин демократов натянуть на себя шкуру еще и этого легендарного медведя, тем самым как бы инвертировав пророчество в свою пользу.

И что мы видим? Мы видим появление партии «Единая Россия», которое вдруг с какого-то дела переименовали в «Медведя», взяв медведя еще и символом.

"Бесы разобьются о медвежью голову и лапы" возможно партия "Единая Россия" – партия жуликов и воров, станет препятствием на пути у удержания к власти Путина и Медведева. "

Вот так в современной политике в России используются старинные ПРОРОЧЕСТВА! Я думаю, что сам Василий Блаженный в грубу перевернулся бы если бы знал, как в наше время толкуют его туманные ПРОРОЧЕСТВА!

Теперь, когда вы уважаемый читатель бегло прошлись по двум самым известным в России ЧУДОТВОРЦАМ и ПРОРОКАМ, я думаю нам нужно вновь «вернуться к теоретической части «нашего исследования, чтобы вы уважаемый читатель, ознакомившись с нижеприведенным материалом в дальнейшем к примеру, смело могли вступить и выиграть

дискуссию с разного рода христианскими богословами по вопросам «Чудодотворцев» и «Чудес» в христианской религии.

ХРИСТИАНСКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ

Но вначале нам надо понять, что же под «ЧУДОМ» понимают в христианской религии.

И тут если взять за основу формулировке американского православного протоиерея Александра Шмемана, (https://ru.wikipedia.org/wiki/Шмеман,_Александр_Дмитриевич), то **«Чудом является «сверхъестественное событие, явление или действие, не поддающееся рациональному объяснению, выходящее за грань законов природы», причем истинные чудеса совершаются действием Божественной благодати».**

Считается, что возможны и ложные чудеса, которые либо являются проявлением сил природы (не будучи, таким образом, чудесами по существу), либо совершаются падшими духами (бесами).

Ряд христианских святых, включая Макария Египетского и Иоанна Кассиана, утверждали, что дьявол способен сотворить любое чудо, кроме воскрешения из мёртвых.

Согласно христианскому вероучению, чудо требует осторожного отношения даже в самых убедительных случаях.

Стремление к чудесам и знамениям Христос порицал, что зафиксировано в Евангелии (Мф. 12:38—39).

Подобным образом действовали и Отцы Церкви, а дове-

рие к прорицателям, магам и целителям осуждалось ещё в Ветхом Завете (Втор. 18:10—14).

Само же определение: «Чудотворец» (буквально обозначающее: тот, кто производит чудеса, греч.) это только эпитет тех святых в христианстве, что кроме всех своих иных талантов особенно прославились и приписываемым им даром чудотворения и заступничества в как при жизни, так и после смерти в ответ на молитву к ним.

Среди всех христианских чудотворцев особенно почитается **святой Николай Угодник.**

Чудотворцы как я уже выше отмечал не являются особым разрядом святых, поскольку в принципе все святые обладают даром чудотворения, а засвидетельствованные чудеса являются основным условием канонизации!

В разных святцах и месяцесловах наименование чудотворца приписывается разным святым.

Но есть и «особый список» так называемых **«Известных православных чудотворцев»** о жизни и деятельности которых христианскими богословами собраны достоверные материалы и к которым при необходимости «православные люди» всегда могут прибегнуть за помощью подобно тому как это они делают, вызывая на дом сотрудников «Скорой помощи» или «Министерства по чрезвычайным ситуациям»!!!

И там, и там как бы своевременность и качество

услуг гарантируется!

Валаамские чудотворцы Сергей и Герман

Григорий Чудотворец

Евфросин Псковский

Иаков Боровичский

Иаков (епископ Ростовский)

Иоанн Милостивый (ростовский чудотворец)

Иннокентий (Кульчицкий)

Исидор Ростовский

Никита Переяславский

Николай Чудотворец

Прокопий Устюжский

Соловецкие чудотворцы Зосима и Савватий

Христодул Патмосский

Савва Сторожевский

Спиридон Тримифунтский

Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский

Но затронув проблему «христианских чудотворцев» мы сразу уже столкнулись и еще одной большой проблемой связанной с разделом христианстве на римско-католическую и православные конфессии ранее единого христианства.

И вследствие этого «раздел» является тот факт, что нет взаимного почитания лиц, канонизированных в этих церквях – «СВЯТЫМИ».

Что естественно вносит большую сумятицу и беспорядок в умы «благочестивых христиан» различ-

ных конфессий и церквей.

В связи с чем и с учетом так же того обстоятельства, что данная работа адресуется в первую очередь русскоязычным читателям, то я, в ходе изучения вопроса о «христианских чудотворцах» ограничусь только списком тех лиц, что известны и почитаются в «православии московского толка»!

И не просто «православии» это довольно широкое определение, а особом православии «московского толка» т.е. о той общественной религиозной структуре, что в данное время носит название РПЦ МП, а до 1917 г. называлась «Русской православной церковью» и была государственной церковью в Российской империи.

И вот изучив собранные мною же по теме «христианские чудотворцы» материалы я для себя из него выделил в отдельный список тех «православных чудотворцев» которые почти 1200 лет почитаются в РПЦ МП.

Но тут сразу отмечу, что так называемый **«Список заступников в болезнях»** не претендует на полноту и поэтому автор будет благодарен читателям если они подскажут мне имена тех «чудотворцев», что я упустил по неведению.

В самом списке после имени «чудотворца», а в скобках указал цифры – век жизни, кончины или приобретения мощей церковью (римской цифрой) и день, когда чтится православной церковью память этого святого (по новому стилю). В целом набралось около 100 русских «чудотворцев». И каждый из них если перелистать их «Жития» тоже предска-

зывал «Будущее»!

Хотя некоторых из ниже приведенных лиц «российкими чудотворцами» увы ну никак нельзя назвать, ибо жили они и действовали еще тогла, когда не то, что России, а и «Московского царства» еще на исторической карте Мира небыло.

Но тем не менее вот, что у меня получилось!

1. Священномученик Антипа (I в., 24 апреля). Когда был брошен мучителями в раскаленного медного быка, просил Бога о благодати лечить людей от зубной боли. Упоминание об этом святом есть в Апокалипсисе.

2. Алексей Московский (XIV в., 23 февраля). Митрополит Московский еще при жизни исцелял от глазных болезней. Ему молятся для избавления от этого недуга.

3. Праведный отрок Артемий (IV в., 6 июля, 2 ноября) был придавлен гонителями веры огромным камнем, потеснившим внутренности. Большую часть исцелений получили страждущие от болей в желудке, а также от грыжи. От мощей получали исцеление христиане при тяжелых болезнях.

4. Агапит Печерский (XI в., 14 июня). При лечении не требовал платы, потому прозван «врачом безмездным». Оказывал помощь болящим, в том числе безнадежным.

5. Преподобному Александру Свирскому (XVI в., 12 сентября) был дан дар целительства – из двадцати трех его чудес, известных по житию, почти половина относится к исцелению парализованных больных. После его смерти это-

му святому молились о даровании детей-мальчиков.

6. Преподобный Алипий Печерский (XII в., 30 августа) еще при жизни имел дар исцеления проказы.

7. Мученику Аниките (IV в., 25 августа) дана благодать исцелять от недугов вообще.

8. Андрей Первозванный, святой апостол из Вифсаиды (I в., 13 декабря). Он был рыбаком и первым апостолом, последовавшим за Христом. Апостол отправился проповедовать Христову веру в Восточные страны. Прошел он места, где позже возникли города Киев, Новгород, и через земли варягов в Рим и Фракию. Много чудес он совершил в городе Патры: слепые прозревали, больные (в том числе жена и брат правителя города) исцелялись. Тем не менее правитель города приказал распять святого Андрея, и он принял мученическую смерть. При Константине Великом мощи были перенесены в Константинополь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.